

ЛЮБОВЬ

РАССКАЗ

Имя старейшего советского писателя В. Н. Билль-Белоцерковского широко известно в нашей стране. Его знают как драматурга и рассказчика. Более сорока лет не сходит со сцен театров его пьеса «Штурм», посвященная героям революции.

Сегодня мы помещаем один из ранних, не опубликованных рассказов писателя.

ВАСИЛИЙ принадлежал к той категории большевиков эпохи гражданской войны, которая была предана революции до самозабвения. Молодым парнем он никем не увлекался. Девушки про него говорили, что он влюблен только в революцию. Василий не признавал личной жизни. Какая может быть личная жизнь у коммуниста! Личное — в революции. Все для нее. Он с открытой враждебностью относился к семейному быту.

Слово «любовь» вызывало у него брезгливую мину: любовь, рассуждал он, это дурман, от которого теряют голову, глупеют. Как будто в жизни нет ничего более существенного. Любовь в такой острый, решающий для революции момент — не что иное, как разложение.

Василий был достаточно грамотен, имел представление о классической литературе и одно время (вспомнить стыдно) увлекался даже романами. Но в настоящий момент он все то с негодованием отверг, выбросил из головы как ненужную ветوشь.

Но, несмотря на его рассуждения, вопреки его «теории», девушкам он все же нравился. Находились женщины, которые из озорства, по-женски, пытались увлечь его, но из этого ничего не получалось.

...А в это время с Восточного фронта поступали тревожные вести. Белогвардейские орды, поддерживаемые частями интервентов, темной силой надвигались на советскую территорию. Прифронтовой город всполошился. С поразительной быстротой вырастали местные отряды — пополнение на Восточный фронт. Подался туда и Василий, хотя он всего несколько месяцев как вернулся домой. Едва зажила рана, как он снова запросился на фронт.

Долго о нем не было никаких известий. И вдруг он появился с палкой-костылем и с... черно-

окой миловидной и бойкой девушкой в аккуратной шинельке, папаче и сапогах. Товарищи его ахнули. Вот это номер! Девушка оказалась его женой. И самым забавным было ее имя. Как будто назло, в насмешку — Любовь!.. Или, как товарищи его, издаваясь, говорили: товарищ Любовь!

Надо было видеть смущение нашего героя, когда он появился с ней на улицах родного города. И, как нарочно, она всегда брала его под руку. В таких случаях он усиленно прихрамывал. Но это не спасало от насмешливых взоров. А товарищи шутили: «Обуржуазился, браток! Разлагаешься! Как же это случилось, что ты изменил своему принципу?» Василий только пожимал плечами. Но товарищи, смеясь, продолжали смущать Василия:

— Смазливое личико, а?

— Ну вот еще... — сердито насупился Василий, — мало я видал смазливых.

— Так в чем же дело?

— Душевная она! В госпитале, где она была сестрой, все раненые уважали ее, как родную сестру.

— Вот как! — улыбались они. Но тут же, будто всерьез, строго сказали: — А все-таки, для восстановления своего престижа, придется тебе порвать с нею.

В глазах Василия мелькнул испуг: «А... а... зачем это? Она моим убеждениям не мешает. Нисколько!»

— Серьезно? Ну, что ж... Желам тебе супружеского счастья!

И в их глазах было столько добродушного ехидства и едва сдерживаемого смеха, что Василий покраснел и поспешно удалился.

Люба, живая, романтическая натура, обожала Василия таким, каким он был, а чудачества его только смешили и забавляли ее. Своим женским чутьем она понимала чувства Василия к ней. Чего стоила его счастливая, радостная улыбка, когда он, усталый, поздно возвращался со службы. Кто сказал бы в этот момент, глядя на него, что это тот грозный обличитель семейного быта и «разложения»? А «разложение» у него у самого было исключительное. Несмотря на занятость жены, работающей в здравотделе, на столе всегда лежала чистая скатерть, постель убрана, на подушках чистые наволочки, на окнах занавески, посуда

ежедневно мытая, пол подметен, да и обед из столовой, подогретый и чем-то приправленный, надо сознаться, очень вкусный.

А сама Любовь! Даже на службе, мысленно, он видел ее перед собой. Ее стройную фигурку в аккуратной гимнастерке, которая так шла к ней, и лицо его вдруг расплывалось в такой широкой улыбке, что обращало на себя внимание присутствующих: не рехнулся ли парень?! Да, это было «разложение». Полное «разложение».

...А между тем Любе его все-таки чего-то не хватало. Вася ее был скуп на нежные, ласковые слова. Было ли это его природной чертой или явилось следствием его принципа, с которым ему было трудно расстаться, но Любу это огорчало. Она мечтала о красивой любви, которая должна была выражаться в ярких, полных нежности словах. Но почему же на митингах он произносил пламенные слова, которые зажигали и ее, беспартийную? Почему? Значит, в личной жизни, в отношении к ней ему не хватало полного чувства. Значит, это была не полная любовь.

— У меня создается впечатление, что ты стесняешься своих чувств ко мне, — по-ребячи капризно сказала она ему однажды. — Стесняешься не только на людях, но и наедине. Может быть, у тебя их и нет, и вообще не было. Так, случайное увлечение...

— Что ты, Люба! Неужели я позволил бы себе такую жертву из-за одного только увлечения! — запротестовал он.

— Какую жертву?!

— Да надо мной не перестают насмехаться! — с сердцем воскликнул он. — Не могу я, понимаю, не могу... Не получается, — виновато и смущенно бормотал он. — И потом, знаешь, решают не слова, а дела...

— Да и дела, если говорить откровенно...

— Ну! Ну! Говори, говори!

— Я ценю твою скромность, но нельзя же доводить ее до крайности.

— А именно?

— Да вот, работаешь в горкоме партии, а стесняешься получить для жены ордер на валенки. А на улице мороз в 30—40 градусов.

— Понимаешь... Неудобно... Горком партии... Злые языки наплетут: для жены, мол... Вот когда будет возможность, на общих основаниях...

— Да ты и себе не выписываешь. Неужели и для себя не заслужил? Ходишь на субботники и воскресники в сапогах.

— На общих основаниях, — продолжал он бормотать с такой страдальческой миной, что Любе стало жалко его, и, обнимая его, она от души хохотала.

Но вот однажды он появился возбужденный, радостный. В руках он держал какой-то сверток. Люба удивленно вскинула на него глаза, взяла сверток, развернула газету и закричала от восторга: дамские валенки! Какая прелесть! Почти похожи на ботики.

— И как это ты решился? — воскликнула она.

— По ордеру! По ордеру! — счастливо улыбался Василий.

— А почему себе не выписал?

— Понимаешь... разобрали... взамен получил вот эти...

— Врешь! Врешь! — И Люба, повиснув у него на шее, целовала его.

Но вот беда, валенки оказались малы. Чтобы их разносить, требуется время. Да и раздадутся ли они? Обидно! Но, жалая Васю, она всячески обнадеживала, успокаивала его: ничего, мол, страшного, в конце концов раздадутся. Вася, казалось, поверил ей. И шутило сказал: они, пожалуй, и мне пригодятся. У меня совсем маленькая нога. 39-й размер.

...Под утро Люба проснулась от шума. Василия не было в постели. За дверь, в кухню что-то происходило. Она прислушалась. Какие-то глухие шаги, прыжки, стон. Что такое? Она вскочила с кровати, и в одной нижней сорочке, хотя в комнате было довольно прохладно, на цыпочках подбежала к двери. Она прижалась глазом к замочной скважине и задрожала. При свете лампы на кухне приседал, будто приплясывал, ее Вася, сопровождая каждое свое движение глухим стоном, а багровое, потное лицо его выражало невыносимую боль.

— Боже мой, что с ним?!

Люба с решимостью отчаяния толкнула дверь и... ахнула, всплеснула руками: Вася, натянув на ноги валенки, разнашивал их.

— Я немного, чуть-чуть... испуганно бормотал он. — Чуть-чуть... Люба ринулась к нему:

— Садись! Снимай! Немедленно снимай!

И, опустившись на колени, сама принялась стаскивать с него валенки. Это оказалось не так просто: валенки словно приросли к ногам. И когда наконец они были стянуты, вернее, сорваны с его ног, Люба снова вскрикнула: ступни его ног были красны, будто опшаренные кипятком, кожа местами содрана. Порывистым движением Люба охватила его ноги руками, бережно прижала их к груди и стала нежно гладить. На глазах ее выступили слезы.

1923 г.

Известия, Москва, 1968, 17 октб.